

Л и т е р а т у р о в е д е н и е

УДК 811.161

М.А. Куроедова

ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ МАНЕРЫ ПУБЛИЦИСТА

(на примере очерков В. Пескова)

Специфика речевых форм и специфика использования чужого текста существенным образом определяются степенью и способами выраженности личностного начала публициста. Эта специфика отражена в творчестве журналистов прежде всего в использовании элементов поэтического синтаксиса.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, анафора, анафорические ядра, анафорические элементы, антитеза, градация, градационный ряд, речевое действие, эмфатическое ударение.

POETIC SYNTAX AS A MEANS OF INDIVIDUAL SPEECH EXPRESSION OF A PUBLICIST

(by example of V. Peskov's essays)

Specificity of speech forms and specificity of using someone else's text are essentially determined by the extent and ways of expressing personality basics as a publicist. This specificity is reflected in works of journalists, especially in the use of elements of poetic syntax.

Key words: poetic syntax, anaphora, anaphoric cores, anaphoric elements, antithesis, gradation, graded row, act of speech, emphatic stress.

В текстах журналистов разговорный синтаксис является выразительным стилистическим приемом, тонкой стилизацией непосредственно звучащей речи. Особый ритмический рисунок высказываний, оформленных *эллипсисом, парцелляцией, сегментированными и усеченными конструкциями*, придает текстам вид литературного построения, продуманного автором в творческих целях.

Еще бóльшую установку на эстетизацию, на формирование индивидуально-речевой системы публицистических произведений мы отмечаем в явлениях поэтического синтаксиса.

Использование анафоры – повторение начальных частей (слова, словосочетания, предложения) двух или более относительно самостоятельных отрезков речи – опирается на лексическую однородность начальных отрезков. Анафора может быть предельно краткой: «Но давно уже нет старика. *И* дуб, в дупле которого жили «наши» «пчелиные волки», рухнул. *И* от сада остались только старые груши» (Пчелиный волк). Здесь анафора выражена только союзом «и», но

при этом перечислительная интонация даже только на основании двух элементов придает предложениям особый градационный оттенок.

Важной функциональной характеристикой анафоры в очерках публицистов является усиление изобразительности текстовых отрезков за счет повтора: «Наблюдаю, *как* на приземистый гриб забирается слизень, *как* оса поедает ягоду спелой малины, *как* мышь, оглядевшись, бежит к норке под пнем» (Глухарина школа). «*Вот* лунь в лапах понес добычу, *вот* золотистые щурки ловят стрекоз...» «*Или* кабан пробежал близко, показывая лишь спину поверх бурьянов. *Или* вдруг в бинокль увидел: дятел таскает птенцам в дуплянку не личинок, а созревшие ягодки земляники». «И еще желтая пижма – знак окончания лета. И созревание лесных орехов...» (Август благословенный). В таких случаях анафора усиливает впечатление панорамирования окружающего предметного мира. С помощью повторения начальных элементов предложений журналист как бы останавливает действие, на первый план выступает описание окружающего нас мира.

Лексический повтор начальных элементов интенсифицирует также перечислительную интонацию, увеличивая ее на один языковой элемент. «*Потом* я увидел эту сову на картине. *Потом* в кино» (Снежная бабушка); «*Если* нападение произошло вблизи от берега, жертва, израненная, успеет все же выскочить из реки. *Если* же ей предстоит долго плыть, пираньи быстро оставляют от жертвы только скелет» (Пираньи); «*Все*, имеющие уши, слышат. *Все*, живущие в мире звуков, так или иначе на них реагируют» (Чарующий звук).

Публицисты в своих произведениях часто умело используют интенсифицирующую функцию анафоры, делая ее основой градации, когда происходит усиление, нарастание того или иного признака или явления: «*Едят* хохули все, что могут найти на дне своей жилой территории – насекомых, ракушек, лягушек, улиток, пиявок, ручейников, головастика, личинок стрекоз, рыбу, если вдруг оказалась под носом. *Едят* хохули и кое-что из растительной пищи. *Едят* много – более половины своего веса в день – долго голодать не способны» (Пловец, водолаз и немного ходок).

В очерках публицистов при анализе личностного начала автора в тексте обращают на себя внимание отрезки текстов с более многочисленными анафорическими ядрами. Такой рисунок текста весьма эффективен в возвышенно-пафосном интонировании текста: «Половина веса каждого высокосортного зернышка составляет масло. *Вот почему* птицы вьются над полем подсолнухов, *вот почему* даже мясоеды-лисы осенью подгрызают стебли подсолнухов, чтобы с наслаждением жевать поспевшие семена. *Вот почему* бутылка масла в лихие для людей дни становится главной ценностью выживания наряду с хлебом, солью, крупой. *Вот почему* даже городские жители мимоходом покупают стаканчик-другой «подсолнухов» из мешков, привезенных с юга России. Подсолнечник стал главной масличной культурой мира. *Вот почему* Василию Степановичу Пустовойту при жизни поставили памятник и благодарно мы помним алексеевского мужика Бокарева, смекнувшего, как сделать растение с «цветком-солнцем» кормильцем людей» (Похожий на солнце). Подобным образом сконструированные отрезки текста близки по своему построению к особому художественному приему – *периоду*, гармонической по форме сложной синтаксической конструкции, характеризующейся «особой ритмичностью и упорядоченностью частей, а также исключительной полнотой и завершенностью содержания» [1, с. 430]. Пример данного отрезка текста показывает нам, насколько творчески для индивидуализации стиля умеют использовать публицисты в своих очерках анафору – стилистическую фигуру, ограниченную, на первый взгляд, в своей основе лишь интенсифицирующей и связующей функциями.

Не менее творчески используют в своих очерках журналисты и такую фигуру поэтического синтаксиса как *антитеза*. Антитеза как стилистическая фигура, основанная на противопоставлении или сопоставлении понятий, мыслей, образов, имеет большой потенциал выразительности. Антитеза особым образом характеризует явление, подчеркивая в нем существенную деталь, наиболее точно

передает отношения между явлениями. Характерологическая функция антитезы позволяет рассматривать ее в качестве наиболее ярких фигур экспрессивного синтаксиса. Противопоставление сопоставимых понятий с помощью антитезы реализуется в очерках журналиста как внутри одного предложения, так и на уровне фразы: «Для человека мыши, конечно, *не радость*, а вот для дикой природы «мышинные годы» *великое процветание...*», «Лисица может украсть *цыпленка*, придушить *молодого зайца*, *птенца-слетка*, однако это ей удастся только *по праздникам*, а в будни в лисьей столовой – *мышь*», «Городскую «этажную» кошку писк мыши разбудит, но оставит почти *равнодушной*, а деревенские мышееды всегда *готовы к охоте*», «Едок *невелик*. *Велико число едоков*» (Мышееды).

Эти примеры различных вариаций антитезы, взятые нами из одного очерка В. Пескова «Мышееды», убедительно показывают особые свойства данного стилистического приема – лаконичность и емкость образных элементов, которую используют журналисты для индивидуализации своего стиля. Достигается это синтаксическими средствами – параллелизмом конструкций (первое предложение), противительным союзом «а». Особенная емкость достигается антонимией (*праздник – будни, не радость – великое процветание, равнодушны – всегда готовы к охоте, невелик – велико*).

Лексический уклон данной стилистической фигуры многие публицисты эксплуатирует достаточно активно. Лаконизм синтаксической конструкции сочетается у них с емкостью лексического наполнения. В подборе антонимической пары в антитезе проявляется особое художественное мастерство очеркиста: «Кирпичевы не единственные, кто пытается это сделать, но все перед множеством трудностей в этой работе *сдавались*. Кирпичевы *не отступают*». (Глухарина школа); «И не где-то «*вдали от шума городского*», а почти что в *центре Москвы*, в садике возле дома». (Боярышня); «Это не обычное «*плановое*» перемещение слонов. Это *поход в неизвестность*» (Куда? Зачем?); «И там-то за кадром каждый знает, что делать: гепард стремится жертву *догнать*, газель же *бежит что есть мочи*» (Опыт жизни).

В очерках публицистов нередко можно встретить и более сложные лексико-синтаксические построения, чем простые или отдельные сложные предложения, в основе которых лежит прием антитезы: «Если его *не преследуют*, нору роет он *не спеша* под муравейником или термитником – сразу, что называется, и стол, и дом. А при опасности роет *немедленно* в любом месте». (Броня крепка). «Замечено: *открытия*, подобные упомянутым, особи сравнительно *молодые*, у которых исследовательская деятельность выражается ярче, чем у тех, кто уже много познал. Но *верховодят* в группе всегда животные *опытные*, причем чаще всего осторожная самка» (Опыт жизни). Некоторые фразы могут содержать еще большее количество предложений: «Раболепство некоторых человеческих особей часто видишь *невооруженным глазом*. *Одни люди стыдятся* этого, выдавливая из себя раба по каплям», *другим хоть бы что*, уподобляются курам, где иерархические ритуалы особенно хорошо видно. *Есть одна курица, которую никто не клюет, есть вторая*, которую клюет первая, а она клюет всех остальных, кроме первой, и так далее вниз по лестнице. А в самом низу *есть безответная бедолага*, которая никого не клюет, а ее *клюют все*» (Ритуал). В последнем примере предложения осложнены анафорическими элементами, параллелизмом конструкций, особой формой градации, антитеза выражена разными парами антонимов (*одни – другие; одна – вторая; стыдятся – хоть бы что, клюет – не клюет, клюют – не клюют*). В результате такого творческого авторского конструирования фразы происходит акцентирование наиболее важной черты (раболепства), за счет наглядности (на примере куриной иерархии) подчеркивается контраст между противоположными типами поведения людей. В составе нескольких предложений антитеза здесь выполняет функцию обозначения предельной, крайней противоположности поведения противопоставляемых персонажей.

В сложных высказываниях антитеза в очерках публицистов поднимается до уровня самостоятельного речевого действия по аналогии со сравнением. Причем, как и сравнение, она может

придавать тексту метафорическое, символическое звучание, тем самым играть большую роль и в усилении изобразительных текстовых характеристик: «*Любопытные человеческие глаза, а в клетках – глаза усталые, неизбежно равнодушные* от ежедневных наплывов тесной, пестрой толпы. *Люди шумят, говорят. Звери и птицы – весь день молчаливы*» (Зоопарк ночью). «*Земля – большая, если идти пешком или плыть на весельной лодке, Земля – маленькая, если над ней лететь в самолете, и совсем маленькая, если глянуть на Землю со спутника*. Но даже из этого далека, рассказывают, *видно* паутинки дорог на Земле, реки, большие озера, огни городов и даже некрупных селений. *Не виден*, конечно, костер тазадеев. Но эта горстка людей в миллиардном человеческом море *все-таки существует...*» (Каменный век в наши дни). В состав этих фраз входит анафора, параллелизм, прием градации, также как и в предыдущем примере, происходит последовательное нанизывание разных пар антонимов (*любопытные – усталые, равнодушные; шумят, говорят – молчаливы; большая – маленькая; видно – не виден; не виден – существует*). Основанная на зримых деталях, антитеза здесь усиливает описательные элементы фразы, придает ей яркую наглядность, образность. Последний пример тоже представляет собой образец периода, являющегося в литературной практике одним из самых выразительных художественных приемов.

Антитеза в языкознании достаточно прочно соотносится со стилистическими фигурами, с поэтическим синтаксисом. Ее несомненная активность в формировании изобразительно-выразительной системы произведения позволяет нам соответственным образом оценивать речевую структуру очерков публицистов, в которых она встречается не только довольно часто, но и являет собой примеры особой выразительности, основанной в большинстве случаев на наглядности, изобразительности и метафоричности.

Следующую, весьма активную в очерках фигуру поэтического синтаксиса *градацию* публицисты творчески используют на уровне простого предложения. Особую роль в формировании градационного ряда обычно играют определения: «*Глухарки на току полетят за самым громкоголосым, за самым статным, за самым неутомимым из петухов*». (Глухарина школа). «*Все живое при двуполом размножении в разных формах выявляет для продолжения рода партнеров здоровых, сильных, нервно устойчивых, а при высших формах жизни – интеллектуально развитых*». (Ритуал). В очерках В. Пескова мы встречаем градационные ряды, составленные из других членов предложения, которые могут входить в состав сказуемого, дополнения, подлежащего: «*Символы их разрушенной цивилизации – покрытые шкурами зверей вигвамы, берестяные лодки и тамагавки – выглядят атрибутами почти что каменного века в сравнении с небоскребами, автострадами, кораблями и самолетами, телевизорами и телефонами, дающими возможность мгновенной связи хоть с Австралией, хоть с Китаем. Пространства Земли сегодня освоены, обжиты, заполнены людьми, местами до большой тесноты. И все же есть над Землей «закутки», где с удивлением можно увидеть жизнь, какой она была в каменном веке, когда люди еще не знали ни железа, ни бронзы, когда нестареющий желтого цвета металл не сводил с ума род человеческий*» (Каменный век в наши дни).

В данной фразе в группу подлежащего входит ряд слов *вигвамы, берестяные лодки и томагавки*, к группе сказуемого относятся слова *освоены, обжиты, заполнены людьми; не знали, не сводил с ума*. Дополнениями являются *небоскребы, автострады* и пр. Градация по существу является лексической фигурой, основывается она на интенсивности того или иного признака в составе лексем [3]. Однако сопровождающие градацию запятые, частое сочетание ее с такими синтаксическими фигурами как антитеза, анафора, параллелизм дают нам право в контексте данного исследования включать градацию в лексико-синтаксические экспрессивные конструкции.

Особенностью всех лексико-синтаксических стилистических фигур в творчестве публицистов является преимущественная предметность и конкретность значений лексических единиц, входящих в

их состав, возможность наглядного представления тех объектов и явлений, которые обозначаются данными словами, даже если они представлены в обобщенном значении. Важная роль отводится им и в выражении личностного начала автора, проявляющегося в различного рода отношениях и оценках описываемого. Поэтизация жизненного пространства, включающего в первую очередь природу с ее живыми обитателями, является неотъемлемой речевой характеристикой журналистских выступлений В. Пескова.

Поэтичность лексико-синтаксических фигур базируется, безусловно, не только на их специфическом лексическом наполнении. Главная причина их поэтической категориальной обозначенности заключается в их особых ритмико-интонационных функциях, в возможности эмфатического выделения тех или иных слов или словосочетаний фразы с помощью определенного ее построения. Эмфатическое ударение – это особый способ выделения, это не только повышение голоса, но и протяженность ударного гласного, соответствующее смыслу интонирование слова или группы слов: «Эмфатическое ударение насыщает слово различными эмоциями» [2, с. 54]. Недаром исследователями подчеркивается его художественно-эстетическая роль: «Различные приемы, создающие эмфатическую интонацию, свойственны преимущественно поэзии и редко встречаются в прозе, причем, рассчитаны не на зрительное, а на слуховое восприятие текста, позволяющее оценить повышение и понижение голоса, темп речи, паузы, то есть все оттенки звучащей фразы. Знаки препинания способны лишь условно передать эти особенности экспрессивного синтаксиса» [1, с. 426].

Таким образом, анализ синтаксических средств выражения личностного начала публициста убеждает нас в том, что это важное составляющее структуры категории речевой портрет, без которого нет возможности четко определить специфику индивидуально-речевой манеры автора.

Лаконизм синтаксических конструкций таких стилистических фигур как *анафора*, *антитеза*, *градация*, *период* сочетается с емкостью лексического наполнения, что придает его высказываниям особую выразительность, основанную в большинстве случаев на наглядности, образности и метафоричности. Поэтизация жизненного пространства, включающего в первую очередь природу с ее живыми обитателями, – неотъемлемая речевая характеристика журналистских выступлений.

1. Бойкова, Н.Г., Коньков, В.И., Попова, Т.И. Устная речь. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 73 с.

2. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.

3. Колесникова, С.М. Категория градуальности в современном русском языке. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1996. – 143 с.